

ОБЗОРЫ. ОТЗЫВЫ. РЕЦЕНЗИИ**SURVEYS. COMMENTS. REVIEWS**УДК 349.41
ББК 67.407.1

Ryzenkov Anatoly Yakovlevich,
doctor of law, professor,
professor of the department of civil law of
Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: 4077778@list.ru

Рыженков Анатолий Яковлевич,
д-р юрид. наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: 4077778@list.ru

**О ПРИНЦИПЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ
ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

ON THE PRINCIPLE OF LEGAL RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS OF LAND LEGISLATION

12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право
12.00.06 – Land law; natural resources law; ecological law; agrarian law

В статье доказываемся, что принцип юридической ответственности за земельные правонарушения является одним из доктринально выводимых принципов земельного права, требующих своего нормативного закрепления в ст. 1 ЗК РФ. При этом под земельным правонарушением автором понимается виновное, противоправное, общественно опасное действие или бездействие, совершенное физическим или юридическим лицом в сфере использования или охраны земель, за которое предусмотрено наложение мер административной, уголовной, гражданско-правовой или земельно-правовой ответственности. Существование последнего вида юридической ответственности за земельные правонарушения требует поддержки потому, что меры земельно-правовой ответственности значительно отличаются от санкций иных видов юридической ответственности.

The article proves that the principle of legal responsibility for land offenses is one of the doctrinal derived principles of the land law requiring its own regulatory fixation in Article 1 of the Land Code of the Russian Federation. The land offense is understood by the author as the guilty, illegal, socially dangerous action or inaction performed by the individual or legal entity in the sphere of use or protection of lands, for which imposing of measures of administrative, criminal, civil or land-legal responsibility is provided. Existence of the last type of legal responsibility for land offenses demands support because the measures of the land-legal responsibility considerably differ from sanctions of the other types of legal responsibility.

Ключевые слова: ответственность, правонарушение, деликт, природопользование, правопорядок, собственность, ограниченные вещные права, проступки, санкции, принципы, рациональное использование.

Keywords: responsibility, offense, delict, environmental management, law and order, property, limited rights in rem, offenses, sanctions, principles, rational use.

Введение

Актуальность и целесообразность исследования данной проблемы состоит в том, что в российской юридической науке существует несколько классификаций принципов права. Наиболее распространенными среди них является деление принципов на общеправовые, межотраслевые, отраслевые и институциональные (отдельных правовых институтов), а также проведение различий между принципами — нормами (закрепленными в законе) и принципами — идеями (выводимыми доктринально). Применительно к земельному праву, его принципы-нормы закреплены в ст. 1 Земельного кодекса РФ, а также некоторых других федеральных законах. Между тем представляется, что изложенный в них перечень принципов требует своего расширения, в связи с чем **целью** настоящей статьи является исследование прямо незакрепленных в данном законе принципов-идей, которые, однако, получили свое исследование в юридической науке, и могут быть использованы в будущем для дополнения данной статьи ЗК РФ. Одним из таких принципов, необоснованно неупомянутом в ст. 1 ЗК РФ, является доктринально выводимый принцип юридической ответственности за нарушение земельного законодательства.

Основная часть

Примечательно, что в отличии, например, от принципа платности использования природных ресурсов, данный принцип не упоминается не только в ЗК РФ, но и в других природоресурсных законах [1; 2]. При этом согласно ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды» в Российской Федерации действует принцип «ответственности за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды». Вероятно, по мнению российского законодателя, упоминание такого рамочного принципа в главном природоохранном законе страны является достаточным для обеспечения и благоприятного качества окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Между тем такой подход вызывает ряд возражений.

Дело в том, что в теории экологического права сложилось два подхода к пониманию предмета экологического

права и его места в системе российского права. Сторонники «широкого подхода» считают, что экологическое право включает в себя земельное, горное, водное, лесное и фаунистическое право, которые занимают в нем место (по мнению разных авторов) институтов, подотраслей или даже самостоятельных отраслей права (и тогда экологическое право — это некая «суперотрасль права»). По мнению сторонников «узкого подхода», экологическое и земельное право — это две разные самостоятельные отрасли права, связанные друг с другом многочисленными межотраслевыми принципами и институтами [3]. Придерживаясь последней точки зрения, следует заметить, что земельное право, являясь самостоятельной отраслью права, включает в ст. 1 ЗК РФ перечень отраслевых и межотраслевых принципов права, но необоснованно игнорирует принцип ответственности, который должен быть одним из «базовых, основных начал» отрасли, тем более что механизм его реализации в земельном законодательстве есть.

Однако для исследования данного принципа необходимо ответить на более общий вопрос о том, что такое «земельное правонарушение» и «земельно-правовая ответственность»? На эти вопросы нет простого ответа.

Так, одна группа авторов полагает, что земельное правонарушение — это общественно опасное, противоправное, виновное деяние (действие или бездействие) лица, совершенное в сфере земельных правоотношений, посягающее на установленный Конституцией, федеральными законами и законами субъектов РФ земельный строй, порядок управления и правила использования земельных ресурсов, а также нарушающее права и законные интересы субъектов земельных отношений в области охраны и использования земель, причиняющее (несущее) реальную угрозу причинения вреда окружающей среде, жизни и здоровью человека, имуществу физических и юридических лиц, за которое законодательство предусматривает уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность [4, с. 11].

Данное определение у других авторов может содержать больший или меньший набор оснований, субъектов или объектов посягательства. Так, Е. А. Конюх полагает, что земельное правонарушение — это виновное, противоправное действие (бездействие) лица, посягающее на земельный порядок, нарушающее права и законные интересы субъектов земельных отношений в области охраны и использования земель и причиняющее вред земле, иным компонентам окружающей среды, жизни и здоровью человека, его имуществу, имуществу юридических лиц, за которое предусмотрена уголовная, административная, дисциплинарная и гражданско-правовая ответственность [5].

Общим у всех представителей этой группы ученых является то, что за совершение такого правонарушения наступают «классические» виды юридической ответственности, исключая появление ее новых видов.

В отличие от полноформатных дефиниций, вторая группа авторов предлагает более простые определения земельных правонарушений. Так, Е. П. Моторин понимает под земельным правонарушением виновное противоправное деяние, нарушающее земельное законодательство и причиняющее вред либо создающее возможность его причинения [6]. О. И. Крассовым земельное правонарушение определяется как негативное социальное явление, результатом которого становится посягательство на существующий в стране земельный правопорядок, обеспечивающий рациональное использование и охрану земель, защиту прав лиц, эксплуатирующих земельные участки [7].

Аналогичным образом часто поступают и ученые из стран СНГ, отмечающие, что под земельным правонарушением «...следует понимать предусмотренное в качестве противоправного и виновного действие, а также бездействие физических и юридических лиц, связанное с использованием, распоряжением и охраной земли, влекущее на основании закона административную ответственность» [8]. В последнем случае следует заметить, что если мы говорим об общем (рамочном) понимании земельного правонарушения, то в подобного рода определениях должны быть указаны все виды юридической ответственности, которые могут наступать за совершение земельных правонарушений, а не только административная ответственность.

Итак, в рамках наиболее распространенных представлений о видах юридической ответственности таковых выделяется всего четыре: уголовная, административная, дисциплинарная и гражданско-правовая ответственность.

Под административной ответственностью за земельные правонарушения в научной литературе обычно понимаются меры государственного принуждения, применяемые в качестве санкции за совершение нарушений в сфере земельных отношений, установленные законодательством Российской Федерации и субъектов РФ об административной ответственности [9, с. 10].

Гражданско-правовая ответственность за земельные правонарушения предполагает наличие механизма возмещения вреда, осуществляемого в соответствии со специальными правилами, содержание которых обусловлено спецификой охраняемого объекта и особыми формами проявления вреда, вызванного земельным правонарушением. При этом одним из существенных недостатков действующего законодательства является отсутствие единого подхода в трактовке общих и специальных черт гражданско-правовой ответственности за нарушение земельного законодательства и неопределенность пределов специального регулирования данных отношений. Представляется, что согласованность норм гражданского и земельного законодательства может быть достигнута только на основе ясно выраженного в гражданском законодательстве определения границ специального регулирования гражданско-правовой ответственности. Допущение специального регулирования по установленному кругу вопросов должно устанавливаться именно в гражданском законодательстве. Понятие ущерба в земельном праве имеет гражданско-правовую природу. В то же время данное понятие в земельном праве имеет ряд особенностей. Ущерб, вызванный нарушением земельного законодательства, подразделяется на два вида: экологический ущерб и экономический ущерб. Экологический ущерб находит выражение в форме порчи земель, в результате которой происходит потеря полезных свойств земли [10].

Уголовная ответственность наступает тогда, когда нарушение земельного законодательства имеет признаки преступления. В УК РФ произошла декриминализация некоторых ранее уголовно наказуемых деяний. Так, по УК РСФСР 1960 года к уголовной ответственности привлекались лица, виновные в самовольном захвате земли. Теперь лица, совершившие данное деяние, уголовной ответственности не подлежат. Сейчас в УК РФ есть всего два состава непосредственно «земельных» преступлений, указанных в ст. 254 (порча земли) и ст. 170 (регистрация незаконных сделок с землей).

Наиболее дискуссионным является вопрос о дисциплинарной ответственности за земельные правонарушения. Сам ЗК РФ в ст. 75 упоминает такой вид юридической

ответственности за земельные правонарушения, и этот подход в целом одобряется в научной литературе. Так, Е. С. Болтанова отмечает, что дисциплинарная ответственность за земельное правонарушение применяется к работнику за нарушение им земельно-правовых требований, соблюдение или исполнение которых относится к его трудовой функции. Соответственно, объектом земельно-дисциплинарного проступка (правонарушения) является комплекс земельных и социально-трудовых отношений [11].

Об этом же пишет и Р. К. Гусев, указывая, что особенностью применения дисциплинарной ответственности за земельные правонарушения является то, что она наступает по нормам трудового законодательства либо в соответствии со специальными положениями, уставами, правилами внутреннего распорядка, регулируемыми трудовые отношения. Может возникнуть вопрос, а при чем тут земельные охранительные отношения? Дело в том, полагает он, что объектом такого правонарушения обязательно является комплекс (совокупность) трудовых и земельных общественных отношений. Следовательно, субъектом такого правонарушения может выступать лицо, в трудовые обязанности которого входит выполнение функций по организации землепользования, по проведению системы мероприятий, связанных с повышением плодородия земель, охраной земель и т. п. (например, агроном, санитарный врач, кладовщик сельскохозяйственного предприятия, которому доверено хранение агрохимикатов, работник землеустроительной службы) [12].

Между тем такой подход носит дискуссионный характер. Представляется, что дисциплинарная ответственность наступает за нарушение лишь норм трудового права и не имеет никакой специфики применительно к земельным или любым иным отраслевым правонарушениям. Поэтому обоснованность ее выделения в ст. 75 ЗК РФ вызывает большие сомнения.

Отдельный дискуссионный вопрос заключается в том, является ли земельно-правовая ответственность отдельным (самостоятельным) видом юридической ответственности за земельные правонарушения, и если да, то что под ней следует понимать. Общие основания для такого вопроса вытекают из ГК РФ и Закона РФ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения».

Так, согласно ст. 284 ГК РФ земельный участок может быть изъят у собственника в случаях, когда участок предназначен для ведения сельского хозяйства либо жилищного или иного строительства и не используется по целевому назначению в течение трех лет, если более длительный срок не установлен законом. В этот период не включается время, необходимое для освоения участка, за исключением случаев, когда земельный участок относится к землям сельскохозяйственного назначения, оборот которых регулируется Федеральным законом от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», а также время, в течение которого участок не мог быть использован по целевому назначению из-за стихийных бедствий или ввиду иных обстоятельств, исключающих такое использование.

Второе основание заключается уже не в бездействии (неиспользовании участка), а, наоборот, в совершении противоправных действий. Согласно ст. 285 ГК РФ земельный участок может быть изъят у собственника, если использование участка осуществляется с нарушением требований законодательства Российской Федерации, в частности, если участок используется не по целевому назначению или его использование приводит к существенному снижению плодородия земель сельскохозяй-

ственного назначения, либо причиняется вред окружающей среде. Таким образом, мы видим два совершенно разных состава земельного правонарушения, которые, однако, содержат одну санкцию — принудительное изъятие у собственника земельного участка.

Порядок реализации данной санкции состоит в том, что орган государственной власти или местного самоуправления, уполномоченный принимать решения об изъятии земельных участков по основаниям, предусмотренным ст. 284–285 ГК РФ, производит обязательное заблаговременное предупреждение собственников участков о допущенных нарушениях. Если собственник земельного участка письменно уведомит орган, принявший решение об изъятии земельного участка, о своем согласии исполнить это решение, участок подлежит продаже с публичных торгов. Если собственник земельного участка не согласен с решением об изъятии у него участка, орган, принявший решение об изъятии участка, предъявляет требование о его продаже в суд. При этом подчеркну, что речь идет только о собственниках таких участков.

Применительно к праву постоянного (бессрочного) пользования и праву пожизненного наследуемого владения, перечень оснований для такого изъятия указан в ст. 45 и 54 ЗК РФ. Перечень оснований для данного изъятия изложен более подробно, равно как и процедуры проведения такого изъятия.

Наконец, в ст. 6 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» процедуры принудительного прекращения всех видов прав на земельный участок сельскохозяйственного назначения (собственности, землепользования, землевладения, аренды) изложены даже еще более детально, чем в Земельном кодексе РФ, оставляя открытым вопрос о том, не было бы логичней (с точки зрения юридической техники) изложить в одном законе общую процедуру и основания принудительного прекращения всех видов прав на земельный участок с отсылкой к такой норме (например, ЗК РФ) во всех остальных федеральных законах. Отдельный вопрос состоит в том, что во всех указанных актах речь идет о целевом назначении, но не о разрешенном использовании, что также нелогично.

Однако наш главный интерес применительно к данной санкции заключается в том, чтобы выяснить, в рамках какого вида юридической ответственности она применяется, и нет ли оснований считать, что в российском праве существует отдельный самостоятельный вид юридической ответственности — земельно-правовая ответственность. Это далеко не простой вопрос.

Ю. П. Амелин считает, что в зависимости от того, нормами какой отрасли права, предусматривающими юридическую ответственность за конкретное деяние, охраняется нарушенное отношение, «земельное правонарушение» может квалифицироваться, соответственно, как гражданское, административное, дисциплинарное, или уголовное преступление. Поэтому выделение самостоятельной «земельно-правовой ответственности» нецелесообразно [9, с. 19].

Аналогичной позиции придерживается М. С. Жевлакович, отмечая, что анализ видов юридической ответственности в российском праве позволяет сделать вывод о нецелесообразности выделения земельно-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности. Совершение земельного правонарушения является основанием приведения в действие норм права, предусматривающих как гражданско-правовую, так и дисциплинарную, административную и уголовную ответственность [4, с. 24].

Однако в этом случае возникает вопрос о том, в рамках какого вида юридической ответственности происходит

наложение такой довольно своеобразной для российского права санкции, как принудительное прекращение права частной собственности или иных прав на земельный участок граждан и юридических лиц. Есть несколько вариантов ответа на этот вопрос.

По мнению Н. Н. Аверьяновой, ст. 45–47 и 54 Земельного кодекса РФ закрепляют не специальную земельно-правовую ответственность, а не что иное, как деликтную (имущественную) ответственность за земельные правонарушения, предусмотренную нормами земельного законодательства [13].

Несколько другой ответ предлагает Д. В. Якунин, отмечающий, что земельно-правовая ответственность (принудительное изъятие земельного участка), в зависимости от того, на каком праве принадлежит участок, является видом либо административно-правовой ответственности (если участок принадлежит правонарушителю на праве собственности), либо гражданско-правовой ответственности (если участок принадлежит правонарушителю на ином вещном праве). Поэтому он предлагает «...дополнить санкции ст. 8.6 и 8.8 КоАП РФ возмездным изъятием земельного участка и конфискацией, указав, что данные меры применяются в случае, если правонарушение повлекло значительный ущерб земле или если лицо уже привлеклось к административной ответственности в виде штрафа за однородное правонарушение, по которому не истек срок, предусмотренный ст. 4.6 КоАП РФ» [14].

Однако оба указанных подхода вызывают ряд сомнений. Во-первых, ГК РФ, регламентируя гражданско-правовую ответственность, не предполагает наличие подобных санкций за правонарушение. Во-вторых, как отмечал Р. А. Степаненко, принудительное лишение собственника его имущества за земельное правонарушение не может быть включено и в состав административно-правовой ответственности, поскольку подобные санкции нельзя отнести к видам административных наказаний. Конфискация объектов недвижимости не является (и не может являться даже теоретически) разновидностью административных наказаний, отличающихся совершенно иной юридической природой. Сегодня КоАП РФ предусматривает лишь возможность конфискации орудия совершения или предмета административного правонарушения (ст. 3.7), и нет никакой теоретической или практической надобности менять сложившуюся систему административных санкций.

В связи с этим был сделан обоснованный вывод о том, что в ЗК РФ предусмотрен особый вид юридической ответственности — земельно-правовая ответственность в виде принудительного изъятия земельного участка у лиц, не являющихся его собственниками, за совершение земельного правонарушения. При этом автор полагал, что ст. 54 ЗК РФ распространяется только на землепользователей и землевладельцев, оставляя без внимания вопросы ответственности частных собственников земельных участков [15].

Последующие дополнения в Гражданский кодекс РФ включили в состав субъектов данного правонарушения и собственников земельных участков.

Данная позиция не является в юридической науке единственной. Все чаще ученые отмечают, что исходя из наличия комплекса необходимых объективных условий (высокий публичный интерес, существование кодифицированных источников правового регулирования, специфического земельно-процессуального института, особых видов правонарушений, связанных с особенностями земли и т. д.), земельно-правовая

ответственность имеет все основания для обособления. Выделение земельно-правовой ответственности как специального вида обусловлено и тем, что земля характеризуется специфическими свойствами, которые затрудняют правовое регулирование земельных отношений традиционными видами юридической ответственности [16].

Другие авторы указывали, что суждение о признании самостоятельности земельно-правовой ответственности (как изъятия из общего правила) основано на том, что в земельном законодательстве уже содержится собственная, присущая только этой отрасли, санкция и особый процессуальный порядок ее применения, что не «перекрывается» другими видами ответственности.

Еще одним аргументом в пользу данного утверждения может служить и тот факт, что ни в административном, ни в гражданском законодательстве такой санкции, как принудительное изъятие земельного участка за совершение административного земельного правонарушения, нет и не предвидится. Так, содержание всех существующих проектов внесения изменений в ГК РФ в интересующей нас части практически полностью дублирует содержание действующих ст. 284–286 ГК РФ. И только в земельном законодательстве предпринимаются попытки совершенствования земельно-правовой ответственности, что следует признать вполне логичным. Таким образом, земельно-правовая ответственность — специальный вид юридической ответственности за правонарушения в области охраны и использования земель, имеющий свои особые правовые основания; наступающий в нехарактерном для других видов ответственности порядке; применяемый особым кругом лиц; предусматривающий «собственные» неблагоприятные последствия, закрепленные в земельном законодательстве. Она не является разновидностью гражданско-правовой ответственности, поскольку предусматривает несвойственные для гражданского права особенности процессуального осуществления; не является и видом административно-правовой ответственности, поскольку так же, как прекращение права на земельный участок, в административном законодательстве не предусмотрено [17]. Аналогичный вывод можно встретить и в многочисленных научных работах других авторов [11; 18; 19].

Выводы и заключения

Таким образом, принцип юридической ответственности за земельные правонарушения является одним из доктринально выводимых принципов земельного права, требующих своего нормативного закрепления в ст. 1 ЗК РФ. При этом под земельным правонарушением следует понимать виновное, противоправное, общественно опасное действие или бездействие, совершенное физическим или юридическим лицом в сфере использования или охраны земель, за которое законодательство предусматривает наложение мер административной, уголовной, гражданско-правовой или земельно-правовой ответственности. Существование последнего вида юридической ответственности за земельные правонарушения заслуживает поддержки потому, что такие меры земельно-правовой ответственности, как принудительное прекращение права частной собственности или ограниченных вещных прав граждан и юридических лиц за нарушение земельного правопорядка, значительно отличаются от санкций иных видов юридической ответственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабайцева Е. А., Головченко В. Е. Правовое регулирование природопользования в Российской Федерации (цивилистический аспект) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 3 (20). С. 267–271.
2. Гончаров А. И., Рыженков А. Я., Черноморец А. Е. Формирование состава объектов права собственности во взаимосвязи гражданского и природоресурсных отраслей права // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 1 (18). С. 230–235.

3. Анисимов А. П. Экологическое право как отрасль права и его место в системе права России: дискуссионные вопросы // Аграрное и земельное право. 2016. № 7. С. 91–97.
4. Жевлакович М. С. Институт аренды земельных участков в российском законодательстве и законодательстве государств-членов Европейского Союза : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 11–24.
5. Конюх Е. А. Возмещение вреда, причиненного земельными правонарушениями: гражданско-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 9.
6. Моторин Е. П. Возмещение экологического вреда, причиненного земельным правонарушением : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 12.
7. Крассов О. И. Земельное право : учебник. 4-е изд. М., 2012. С. 293.
8. Анаркулова Э. С. Административная ответственность за нарушение земельного законодательства Кыргызской Республики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2015. С. 5.
9. Амелин Ю. П. Административная ответственность за правонарушения в сфере земельных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 10–19.
10. Бабенко Л. Н. Земельные правонарушения как основание гражданско-правовой ответственности // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 2. С. 2–7.
11. Болтанова Е. С. Юридическая ответственность за земельные правонарушения // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 88–97.
12. Гусев Р. К. Земельное право : Учебное пособие. М., 2000. С. 80–81.
13. Аверьянова Н. Н. К вопросу о специальной земельно-правовой ответственности // Известия Саратовского университета. Т. 10. Серия «Экономика. Управление. Право». 2010. Вып. 2. С. 73.
14. Якунин Д. В. Административная ответственность за нарушение правил землепользования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2003. С. 17.
15. Степаненко Р. А. Юридическая ответственность за земельные правонарушения по законодательству Российской Федерации и субъектов РФ // Новая правовая мысль. 2009. № 6. С. 48–49.
16. Ибрагимов К. Х. Вопросы земельно-правовой ответственности // Журнал российского права. 2006. № 10. С. 102–107.
17. Сухова Е. А. Значение земельно-правовой ответственности для обеспечения земельного правопорядка // Юрист. 2014. № 2. С. 16–20.
18. Анисимов А. П. Земельно-правовая ответственность за нарушение правового режима земель поселений // Журнал российского права. 2004. № 2. С. 80–86.
19. Гончарова Е. А. Проблемы правоприменения норм земельно-правовой ответственности // Правовые вопросы недвижимости. 2008. № 2. С. 20–22.

REFERENCES

1. Babaytseva E. A., Golovchenko V. E. Legal regulation of environmental management in the Russian Federation (civil aspect) // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. No.3 (20). P. 267–271.
2. Goncharov A. I., Ryzhenkov A. Ya., Chernomorets A. E. Formation of the structure of the objects of the ownership right in the interrelation of civil and natural resource branches of the law // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. No.1 (18). P. 230–235.
3. Anisimov A. P. The ecological law as the branch of the law and its place in system of legislation of Russia: debatable questions // Agrarian and land law. 2016. No.7. P. 91–97.
4. Zhevlakovich M. S. Institute of rent of the land plots in the Russian legislation and the legislation of state members of the European Union: abstract of the thesis of the candidate of law. M., 2010. P. 11–24.
5. Konjuh E. A. Indemnification caused by land offenses: abstract of the thesis of the candidate of law. Omsk, 2003. P. 9.
6. Motorin E. P. Compensation of the ecological harm made by the land offense: abstract of the thesis of the candidate of law. M., 2011. P. 12.
7. Krassov O.I. Land law: textbook. 4th edition. M., 2012. P. 293.
8. Anarkulova E. S. Administrative responsibility for violation of the land legislation of the Kyrgyz Republic: abstract of the thesis of the candidate of law. Bishkek, 2015. P. 5.
9. Amelin Yu. P. Administrative responsibility for offenses in the sphere of the land relations: abstract of the thesis of the candidate of law. M., 2010. P. 10–19.
10. Babenko L.N. Land offenses as basis of civil responsibility // Arbitral and civil procedure. 2010. No. 2. P. 2–7.
11. Boltanova E. S. Legal responsibility for land offenses // Journal of the Russian law. 2014. No. 12. P. 88–97.
12. Gusev R. K. Land law: textbook. M., 2000. P. 80–81.
13. Averyanova N. N. To the issue of special land-legal responsibility // News of the Saratov university. V. 10. Series «Economics. Management. Law». 2010. Issue 2. P. 73.
14. Yakunin D. V. Administrative responsibility for violation of rules of land use: abstract of the thesis of the candidate of law. Khabarovsk, 2003. P. 17.
15. Stepanenko R. A. Legal responsibility for land offenses by the legislation of the Russian Federation and the entities of the Russian Federation // New legal thought. 2009. No. 6. P. 48–49.
16. Ibragimov K. H. Questions of land-legal responsibility // Journal of the Russian law. 2006. No.10. P. 102–107.
17. Sukhova E. A. Value of land and legal responsibility for ensuring the land law and order // Lawyer. 2014. No. 2. P. 16–20.
18. Anisimov A. P. Land-legal responsibility for violation of the legal regime of land plots of settlements // Journal of the Russian law. 2004. No. 2. P. 80–86.
19. Goncharova E. A. Problems of law enforcement of the standards of land-legal responsibility // Legal questions of the real estate. 2008. No. 2. P. 20–22.

Как цитировать статью: Рыженков А. Я. О принципе юридической ответственности за нарушения земельного законодательства // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2017. № 1 (38). С. 300–304.

For citation: Ryzhenkov A. Ya. On the principle of legal responsibility for violations of land legislation // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2017. No. 1 (38). P. 300–304.